

ТАТЬЯНА ЕФРЕМЕНКО,

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАНУ

Экономическая ментальность украинского этноса

Abstract

The author treats economic mentality as a constituent of Ukrainian ethnic mentality. To describe this extremely complicated phenomenon, the author applies historiographic method which allows expounding a variety of views on the Ukrainian mentality and making its complex interpretation. General characteristics of the Ukrainians' economic mentality are supplemented with the present-day appraisals based on empirical data of sociological researches.

Экономическая культура является одним из определяющих факторов развития, становясь либо катализатором, либо тормозом на пути социально-экономического прогресса. Несмотря на все усилия руководящей элиты общества по формированию тех или иных ценностных установок и ориентаций у людей, одни ценности быстро воспринимаются и легко интериоризируются, а другие никак не могут прижиться и стать “своими”. И зависит это в значительной степени от генетически и исторически сформированных ментальных особенностей, образующих культурную матрицу, сознательно-подсознательный фундамент мировосприятия.

Социальные исследователи давно стремились проникнуть в “душу поколений”, в тот моральный ритм, что, по словам Ю.Липы, плывет из тысячелетий и определяет народный характер, формирует то социально-типичное, что проявляется в поведении людей как представителей своей нации. Анализу национального характера украинцев были посвящены работы В.Антоновича, М.Грушевского, Н.Костомарова, целой плеяды ученых — представителей украинской диаспоры: И.Гончаренко, Н.Григориева, Ю.Липы, И.Лисяка-Рудницкого, Д.Чижевского и др. Среди современных исследователей украинской ментальности и украинского национального характера

необходимо назвать, прежде всего, П.Гнатенко, Е.Донченко и В.Храмову. Другие авторы останавливаются на отдельных аспектах украинского менталитета — ментальности запорожского казачества (Е.Апанович), ментальных характеристиках политического сознания украинцев (И.Полищук, В.Демьяненко) и т.п. В отличие от целого ряда работ российских ученых по экономическому менталитету, анализом экономической ментальности украинского народа специально еще никто не занимался. Лишь в работах украинских социологов Е.Головахи, В.Пилипенко, Е.Суименко, посвященных анализу экономического сознания, экономической культуры и экономического поведения населения, многие положения и фрагменты так или иначе связаны с проблематикой экономической ментальности. К непосредственно посвященным этой теме работам можно отнести лишь монографию украинских экономистов Д.Богини и М.Семикиной по трудовому менталитету и считанные отечественные статьи, раскрывающие отдельные стороны экономической ментальности [1–4].

Поэтому важно проанализировать накопленный материал, выявить все то, что имеет отношение к экономической ментальности как одной из разновидностей менталитета украинского народа и раскрыть ее основные характеристики. Этой задаче и посвящена данная статья.

Понятие “экономическая ментальность” рассматривается как специфическая видовая категория по отношению к родовому понятию “ментальность” (“менталитет”), понимаемому в общепринятом философском смысле как глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания и бессознательного, совокупность предрасположений индивида или социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом [5, с. 176]. Ментальность как характеристика психологической жизни человека определяет специфику и составляет основу его мировосприятия. Она сохраняет социокультурный код социальной группы, отдельного народа и человека как его представителя и тем самым отличает, выделяет его среди других. Этимология этого понятия отражает его содержание, связанное со складом мышления человека, спецификой понимания им окружающего мира¹. Как система взглядов, оценок, норм и умонастроений менталитет формируется на основе как конкретных знаний и верований, имеющих в данном обществе, так и архетипов коллективного бессознательного. Социокультурный “ген”, определяющий менталитет и культурную принадлежность человека к той или иной социальной группе или нации, обуславливает взаимосвязь не только индивидуального и коллективного сознания, но и индивидуального и коллективного бессознательного. Коллективное бессознательное находится глубоко внутри человека как отражение накопленного опыта людей и извлекается им при необходимости из его индивидуального бессознательного. Эти символические схемы коллективного бессознательного, которые К.Юнг назвал архетипами, как правило, не поддаются ни теоретическому анализу, ни осмыслению и даже не

---

¹ Термин “ментальность” происходит от латинского термина логического ряда *mentalis, mens, mentis* — умственный, ум, мысль, интеллект. С английского языка “mentality” переводится как “ум”, “интеллект”, “склад ума”, “умонастроение” и интерпретируется как способ мышления и отношения к окружающей действительности, способ ее чувствования и осмысления.

осознаются людьми, а остаются в их памяти в виде закодированной информации, закладывающей соответствующие алгоритмы социального поведения. Архетипы, выступая характеристикой социального и аккумулируя в себе опыт коллективного на уровне подсознания, имеют относительно латентный и непосредственно не проявляющийся характер. Они неуловимы и объективны одновременно. Думается, что именно они выполняют функцию сохранения и преемственности социально-культурной матрицы социальной группы, общества и обуславливают известную устойчивость, консерватизм менталитета. Это те праобразы, праформы, которые заложены в самом историческом бытии культуры и рассчитаны на весь маршрут человеческой истории [6, с. 72, 73]. Нельзя не согласиться с глубоким теоретическим анализом архетипов С.Крымского и сделанным им выводом о том, что обращение к архетипам не означает возврата в прошлое, ибо архетипы той или иной деятельности — это опрокинутые в прошлое контуры будущего, “это культура впереди нас”. “Вот почему в Древней Греции мы, по выражению Гегеля, “чувствуем себя как дома”. Мы находим в ней начала всех форм европейской культуры”. И далее: “Юнг не случайно сравнивал их (архетипы. — Т.Е.) с осями кристалла, с теми невидимыми (не эмпирическими) геометрическими параметрами, которые определяют в растворе физически зрелые кристаллические фигуры” [6, с. 74, 75].

Следует отметить, что наряду с различием общечеловеческой и национальной культуры мы различаем также общечеловеческие, транснациональные или всеобщие архетипы, к которым относятся архетипы Истины, Добра и Красоты, и специфически национальные праформы культуры. В их переплетении и взаимодействии происходит формирование национального менталитета. На мой взгляд, понятие “менталитет” как социокультурная характеристика наиболее применимо к большей или меньшей социальной группе или нации, этносу в целом, а не к отдельному индивиду (хотя любой индивид является носителем того или иного менталитета). Ведь менталитет как система взглядов, представлений и установок людей характеризует социально типичное, массово проявляемое, характерное для данной социальной группы в целом и отличающее ее от других, а не исходит из характеристик, пусть и ярко выраженных отдельных ее представителей¹. Что же касается национального менталитета, то он по своей природе представляет собой “осадок” истории данного этноса [8, с. 146], выкристаллизовавшийся на протяжении многих веков.

Этнос, нация, народ — близкие по своей сути понятия. Отличия, имеющиеся между ними, имеют принципиальное значение лишь в рамках специальных общественных дисциплин — таких, как политология, этнография и пр. Для социолога, изучающего экономическую жизнь людей, эти понятия

¹ О глубоком различии между простой совокупностью индивидов и организованной социальной группой (социальной системой) писал еще П.Сорокин: “Характерные черты отдельных индивидов, особенно при нерепрезентативной выборке, никоим образом не являются идентичными с характерными чертами организованной группы (в данном случае — нации), и наоборот. Ведь свойства H₂O отличаются от свойств водорода и кислорода, взятых в отдельности. ... То же самое верно и по отношению к свойствам сложных социальных или культурных систем в сравнении с их компонентами — индивидами” [7, с. 464].

можно рассматривать как однопорядковые¹. Однако поскольку в отличие от понятия “нация”, характеризующей народ на определенном этапе его развития с акцентом на национальном сознании и определенной политической и государственной организации, понятие “этнос” является родовым для любой стадии цивилизационного развития народа (племя, народность, нация) и несет наследственность и преемственность своих характеристик из глубины веков, наиболее адекватным и органичным будет сочетание понятий “менталитет” и “этнос”, а следовательно, и формулировка темы данного исследования — “менталитет украинского этноса”.

Под экономической ментальностью украинского этноса понимается та часть украинского менталитета, которая определяет особенности ценностей и норм поведения в экономической жизни украинцев и проявляется в их отношении к труду, богатству, собственности, соблюдению законности и т.д.

При этом одни ментальные особенности (стремление к индивидуальной свободе и независимости, покорность и терпимость) непосредственно влияют на формирование этих ценностей, другие (преобладание эмоционального начала над интеллектуальным, слабость чувства государственности) оказывают опосредованное воздействие на экономическое поведение и культуру людей. В данной статье я не останавливаюсь ни на особенностях экономической ментальности советского этапа исторического развития, ни на современной характеристике экономической культуры украинцев. Что касается советского этапа, то в этот период проблемы ментальности, в том числе экономической, практически не изучались. Можно говорить лишь об отдельных аспектах, представленных в известной работе В.Ядова, А.Здравомыслова и др. “Человек и его работа”. В 1989 году под руководством Ю.Левады был начат уникальный проект по изучению “советского простого человека” и трансформации его ценностей в постсоветской России. Эти исследования подтвердили, что социалистическая идеология и советская действительность, с одной стороны, закрепляли в мировосприятии людей ценности и идеи государственного патернализма, традиционализма и коллективизма, а с другой — порождали установки на социальное иждивенчество, ограниченность потребностей, слабую экономическую активность, отсутствие достижительной мотивации и пр. Начавшиеся в 1990-х годах коренные социально-экономические преобразования породили глубокие изменения в ценностно-нормативной структуре населения, изучение состояния которой на нынешнем этапе является задачей отдельного, самостоятельного исследования.

В этой же статье, “оглядываясь” в прошлое, выискивая те ментальные установки, которые из поколения в поколение проявлялись в экономическом поведении наших дедов и прадедов, укоренились в подсознании боль-

---

¹ В этом смысле мне импонирует трактовка нации как социальной системы, данная П.Сорокиным: “...нация является многосвязной (многофункциональной), солидарной, организованной, полужакрытой социальной группой, по крайней мере отчасти осознающей факт своего существования и единства. Эта группа состоит из индивидов, которые: 1) являются гражданами одного государства; 2) имеют общий или похожий язык и общую совокупность культурных ценностей, происходящих из общей прошлой истории этих индивидов и их предшественников; 3) занимают общую территорию, на которой живут они и жили их предки” [7, с. 466].

шинства украинского народа, запечатлелись в его традициях, привычках, нормах поведения и, как следствие, — в афоризмах, народных пословицах и поговорках, автор предполагает в концентрированной форме показать то, что присуще ментальному полю украинского этноса в экономической жизни в целом. Ибо понимание своеобразия (характеристик) этого “поля” позволяет увидеть и отчасти предвидеть, для “выращивания” каких “экономических культур” оно благоприятно, а для каких нет. Анализ экономической составляющей украинского менталитета строится на основе изучения не только имеющихся научных работ, но и “документов” особого рода — сборников пословиц и поговорок, отражающих душу и интеллект народа. Кроме того, проанализированы данные нескольких массовых социологических исследований, которые позволяют судить о менталитете современного населения Украины.

Поскольку основой, исходным началом любой экономической деятельности является труд, логично, что и отношение к труду можно рассматривать как первокирпичик многоярусного здания экономической культуры. Прежде чем начинать описывать экономическую ментальность украинцев, следует отметить одну существенную особенность украинского менталитета в целом — его сельские корни. То, что селяне резко преобладали в социальной структуре населения Украины — общеизвестный исторический факт. Еще на рубеже XIX–XX веков земледельческое, то есть сельское население составляло по численности девять десятых (!) всего украинского населения. Вплоть до середины XX века селяне составляли большинство украинской нации, в связи с чем, как справедливо пишет сегодняшний исследователь ментальности украинского крестьянства Ю.Присяжнюк, украинцев можно рассматривать как нацию земледельческую, хлебопашескую не только в историческом, но и в социально-культурном смысле [3, с. 23, 24]. И хотя ход истории, процесс массовой урбанизации полностью изменил соотношение городского и сельского населения в социальной структуре украинского общества, в социально-культурном, ментальном отношении украинская нация осталась преимущественно (или, как минимум, наполовину) сельской¹.

Ментальность крестьян всегда отличалась определенным консерватизмом и натурализмом, вытекавшими из самого уклада, образа жизни хлеборо-

¹ Об этом свидетельствуют и данные социологического мониторингового исследования населения Украины, проведенного в 2005 году ИС НАНУ ($N = 1800$), согласно которым 47,6% наших граждан провели большую часть своего детства в селе. Там проходила их первичная социализация, там формировалось их мировоззрение. А, как известно, изменения в культуре и тем более в ее глубинном, ментальном слое чрезвычайно медленны и требуют смены не одного, а, как мне думается, минимум трех-четырёх поколений. [Это ежегодное исследование проводилось в рамках проекта “Украинское общество: мониторинг социальных изменений”. Генеральный директор проекта — В.Ворона. Научный руководитель проекта — Н.Панина. Авторы программы мониторинга: Е.Головаха, Н.Панина. Выборочная совокупность численностью 1800 чел. репрезентирует взрослое население Украины (от 18 лет и старше). По типу построения выборка является случайной, трехступенчатой, стратифицированной, с квотным скринингом на последней ступени. Авторы выборки: Н.Панина, Н.Чурилов. Опрос осуществлен методом самозаполнения анкет на основе республиканской опросной сети, созданной Институтом социологии и центром “СОЦИС”.]

бов, тесно связанного с трудом на земле¹. Именно он воспринимался как единственно правильный и справедливый образ жизни. Само понятие труда крестьяне нередко отождествляли с физическим трудом, составлявшим основное содержание их собственной жизни, и не воспринимали интеллектуальную работу как труд (и сегодня выходцы из села, в силу своего социального кругозора, нередко полагают, что горожанам, не имеющим своего хозяйства и не занятым изнуряющим физическим трудом, просто нечего делать). Этот натурализм сельского менталитета не только принижал значимость интеллектуального труда, но и консервировал, закреплял культурную отсталость людей. Крестьяне, как правило, всегда стремились избежать хозяйственного риска, проявляли в основном безынициативность и недоверие к любым новациям, в том числе агротехническим, неспособность быстро перенимать более высокую земледельческую культуру и образ жизни даже своих соседей — немцев, чехов, сербов и прочих иммигрантов-земледельцев. Как говорят архивные документы, прожив с соседями по 10–15 лет, украинские хлеборобы достаточно часто ничего у них из земельной культуры не заимствовали. Поэтому “немцы”, имея такие же, как и украинские крестьяне, участки земли, нередко выглядели по сравнению с ними помещиками [3, с. 26].

Вместе с тем любовь и заботливое отношение к земле были всегда свойственны большинству украинских селян. Труд на земле воспринимался ими как творческий, требующий и квалификации, и богатого опыта в познании законов и циклов природы. Мудрость веков воплотилась в составленном на основе внимательного и бережного отношения к природе календаре хлебороба, во множестве очень точных народных примет, ставших неотъемлемой частью культуры земледелия наших прадедов и, к сожалению, во многом утерянных сегодня нами. В отношении крестьян к земле (Матери-Земле) и труду на ней проявилась и особая эмоциональность, и глубокая религиозность народа, что наглядно показывает естественную взаимосвязь экономической ментальности украинцев с их ментальными характеристиками в целом. В украинских колядках сам Господь пашет ниву и сеет хлеб. Чувством Божьей вездесущности было пронизано все народное мировоззрение (“Бог не родит и земля не дает”, “Человек гадает, а Бог совершает”, “Все под Богом ходим” и т.д.).

Что касается народных пословиц, то в них нашла свое отражение вся палитра и позитивного, и негативного отношения к труду и его результатам. В украинских (как и в русских) пословицах подчеркивается человекотворческая функция труда, его необходимость и самоценность для формирования человеческой личности (“*Птиця створена для літання, а чоловік — до праці*”, “*Сталь гартується в огні, а людина — у труді*”, “*Чесний чоловік не може*”).

---

¹ Ценность земли и ее неразрывная связь с трудом в экономическом сознании украинцев материализовались и в специфических единицах измерения земельной площади. Наряду со старинной украинской земельной мерой — упругами (упряжками) меру пахотных земель исчисляли также днями. Так, один день земли обозначал такое пространство, какое до захода солнца с неизбежными передышками можно было вспахать. По величине день земли приближался к десятине и составлял три упруга: ранний, обеденный и вечерний, величина которых более ясно воспринималась крестьянами из рабочего опыта, чем плохо представляемые ими дробные доли десятины [9, с. 5–6].

без труда”, *“Праця чоловіка годує, а лінь марнує”* [10, с. 84; 11, с. 28; 12, с. 16, 18]). С одной стороны, утверждается высокая нравственная ценность любого вида честного труда человека (*“Всякий труд почесний”, “Якщо добре працювати, скрізь успіхи будеш мати”, “Чесно робити — весь вік багатіти”*), а с другой — подчеркивается противоположное — предпочтение физического труда интеллектуальному, несоответствие труда и его результатов (*“Ліпше робити руками, як головою”, “Шилом моря не нагрієш — від тяжкої роботи не розбагатієш”, “Від трудів праведних не наживеш палат каменних”*) [10, с. 29, 346, 347, 374; 12, с. 15]. Дихотомичность массового сознания проявляется и в народных оценках труда как источника средств существования (*“Як дбаєш, так і маєш”, “Труд чоловіка кормить”, “Трудова копійка годує довіку” — “Не кожен, хто дбає, той і має”, “Роби, роби, а їсти нема що”, “Та допіру робота: ціле життя роби, а на старість милостиньку проси”*) [10, с. 29, 60, 80; 12, с. 18, 16]). Восприятие работы в разных ее ипостасях — и как тяжкого бремени, и как источника средств существования, и как процесса познания — воплотилось в поговорке *“Робота мучить, кормить і учит”*. [12, с. 17] Люди всегда подмечали и разную мотивацию труда — ценностно-содержательную (*“Коли є до чого жагота, то кипить в руках робота”, “Без охоти нема роботи”*) и материально-прагматическую (*“Тирлю-тирлю коло плота: яка заплата, така й робота”*) [10, с. 81; 12, с. 18]. Поэтому и лень, нередко встречающаяся среди людей, увязывали с недостаточным вознаграждением за труд или с работой не на себя (*“Там ся ліново працює, де пожитку не чує”, “Панської роботи не переробиш”*) [12, с. 17; 10, с. 56]. А лень, недобросовестное отношение к труду, видимо, были далеко не исключительным явлением среди украинского народа, ибо им посвящено немало метких, не без юмора высказываний и пословиц (*“Без роботи ще ніхто не вмер, хіба без хліба”, “Все хіхоньки да хахоньки, а роботи ні капельки”, “Їсти дай, випити дай, а про роботу не питай”, “Робит так, аби збутися”*) [12, с. 14, 15, 17]. Народная мудрость отразила и еще одну грань украинской экономической ментальности — присущее большинству чувство хозяина, который рассчитывает, прежде всего, на собственные силы (*“Чужими руками тільки жар загібати”, “Коли хочеш, щоб було добре зроблене, зроби це сам”*) [12, с. 15, 23].

В целом труд воспринимался украинцами в качестве основы не только хозяйственного, материального благополучия, но и права собственности. Принцип трудового обоснования права собственности закономерно вытекал из характера деятельности и мировоззрения крестьян. Он обуславливал как уважение и освящение собственности, приобретенной честным трудом, так и негативное отношение к нетрудовому обогащению, его осуждение и непризнание. Как писал П. Чубинский, право собственности народа-труженика всегда находится в прямой зависимости от степени вложенного в нее человеческого труда [13, с. 367]. Трудовая основа собственности проявлялась, прежде всего, в праве на землю. Так, в Украине широкое распространение получила практика первой заимки свободной земли (займанщина). Освоив целину или выкорчевав лес под пашню или сенокос и вложив тем самым в эти земли много труда и средств, крестьяне получали на них права, граничащие с правом собственности. Причем по народным традициям право вложенного в освоение земли труда распространялось не только на того, кто это делал, но и на его потомков или родственников. Обычное право осуждало самовольный захват и использование обрабатываемых земель (*“Де не орав, там не сій”*). Вместе с тем в народе считалось вполне законным

и справедливым пользование дарами природы, для появления которых человек не прилагал своего труда (собираение меда, ягод, грибов, трав, ловля рыбы, птиц и т.д.). С развитием частной собственности это право было резко ограничено и зависело от доброй воли владельцев этих лесов, рек и лугов. Но даже в конце XIX века, например, рубка леса в представлениях крестьян не осуждалась, поскольку его “никто не сеет и не сажит, а Бог родит на долю каждого” [14, с. 332]. То есть земли, леса, на которые не было затрачено ничьего труда, воспринимались народом как общественная или ничейная собственность. Рубка же очищенных деревьев, в которые, естественно, был вложен чей-то труд, считалась злодеянием. Принцип трудового обоснования права собственности распространялся и на традиции наследования: только тот, кто был членом семьи (хозяйственного союза) и кто собственным трудом приумножал семейную собственность, мог получить на нее право [13, с. 368]. Уважение к труду переносилось и на уважительное отношение к приобретенной на его основе собственности. По народным правилам право собственности фиксировала и защищала, указывала на ее неприкосновенность особая система знаков — межа (невспаханная полоса между индивидуальными участками пахотных земель), “*значкування*” (обозначение права собственности на скот) и т. д. Посягательства на чужую собственность резко осуждались (“*Не ори чужої межі, то й не будеш у грісі*” [Цит. по: 13, с. 369], “*Нажмте махом, піде прахом*”, “*Краще своє латане, ніж чуже хапане*” [11, с. 43]). Ответственность и контроль за сохранность, неприкосновенность и узаконение собственности по народным традициям лежали на главе семьи и громаде. При этом главным при решении спорных вопросов было обычное право, апеллирование к тому, что так или иначе с незапамятных времен делали наши деды-прадеды. Уважительное и бережное отношение к собственности распространялось не только на частную, но и на общественную собственность¹.

За последнее столетие эти добрые традиции оказались во многом растерянными, а понятия общественной, коллективной собственности девальвировались и деформировались в массовом сознании, породив легитимную вседозволенность, безнаказанность в ее использовании и безответственное к ней отношение. В советские времена это проявлялось в разнообразных формах злоупотребления служебным положением, недобросовестном выполнении трудовых обязанностей, небрежном отношении к общественной собственности и т. п. Но если тогда это откровенно не афишировалось, а даже припрятывалось, хотя неофициально и не осуждалось (взять что-то у соседа считалось явным воровством, а “принести” с работы, будь-то предприятия или колхоза, — нормой), то сегодня такое “умение крутиться”, как и любая деятельность “в рамках того, что не запрещено” по использованию государственной, а значит “бесхозной”, “ничейной” и, следовательно, “неэффективной” собственности в частнособственнических интересах находит не

¹ Согласно архивным документам, селяне могли заготавливать дрова, используя только пни и поваленные сильным ветром деревья. Причем до 1851 года они могли идти в любой лес, но брать только в меру домашних потребностей. Скотину также можно было пасти, где кому удобно, но не на пахотных угодьях или предназначенных для сенокоса и т.д. Интересные факты из жизни одной из громад на Дрогобыччине зафиксировал И.Франко. Там в перечне штрафов наказание за ущерб общественной собственности находилось на втором месте и было вдвое больше, чем за преступление против частной собственности [13, с. 370, 371].

только понимание, но и завистливое одобрение со стороны большинства населения. О многих новоиспеченных бизнесменах и нуворишах люди сегодня говорят: не “заслужил” или “добился”, а “сумел”, “нахватался”. Трудовая основа собственности уступает место стяжательному инстинкту и безудержному рвачеству, выдвигая на первый план права, а не генезис происхождения собственности. Поэтому вслед за западными традициями священности и неприкосновенности частной собственности, действительно имеющими многовековые корни, наши “буржуа” торопятся “освятить” свое неизвестно как и за счет чего появившееся богатство, забывая свои национальные нравственные корни. Ведь среди богатых русских (и украинских) промышленников и купцов XIX века, как писал Н. Лосский, сочли бы кощунством право собственности назвать “священным”. Среди них было много меценатов и жертвователей больших сумм на различные общественные учреждения: Третьяковы, Морозовы, Рябушинские, Мамонтов, Щукин и др. [15, с. 40], а в Украине можно добавить Терещенко, Скоропадских, Тарновских, семью Симеренко. Но это все были люди иной, отличной от простого народа и, прежде всего, крестьянской массы, ментальности, иного мировоззрения, несравнимо более высокого уровня образования и культуры (в смысле культурных проявлений всех сторон человеческой жизни). И сегодня каждая социальная группа (идентифицирующая себя по тому или иному признаку: социальному происхождению, материальному достатку, уровню образования и т. п.) имеет свои ментальные особенности, проявляющиеся в специфике восприятия и понимания мира, отношении к труду, собственности, богатству, знаниям и т. д. И сегодня культура (и менталитет) простых людей отличается от культуры (менталитета) интеллигенции, бедных — от богатых, селян — от горожан. Понимание социальной, культурной дифференциации, социально-экономического расслоения, как и других сторон социальной и экономической жизни людей, нашло свое отражение в мудрости народной: *“Не нашого поля ягода”, “Ситий голодному не товариш”, “Пани — мужикові чужі люди”, “Наймитові з хазяїном не брататися”* [10, с. 7, 9, 10, 61].

Отношение к богатству у украинцев отличается от отношения к богатым людям. Оно обусловлено содержательным пониманием самого богатства — не просто как какой-то суммы денег, а прежде всего как здоровья, разума, богатства души. В украинских пословицах о бедных и богатых можно найти отражение всех оттенков их взаимоотношений в жизни. Так, народ всегда видел и понимал эксплуататорскую сущность господ (*“Всяк знає, як багач дбає: не своїм горбом, а чужим трудом”, “А з чого збив маєтки, як не з чужої кривди?”*, *“Де один панує, там сотня бідує”*), подчеркивал жадность богатых (*“Хто багатий, той не любить дати”, “До вбогого йди сорочки позичати, а до багатого ніколи”, “Де є такий багач, щоб не хотів більше, як має?”*), ассоциировал их образ с самыми негативными человеческими качествами (*“Якби не був свинуватий, то не був би і багатий”, “Як багатий, так і клятий”, “Тіло в золоті, а душа в мерзоті”, “Забагатів Кіндрат — забув, де його і брат”*). Народные пословицы метко характеризуют нечестность, неправдивость многих богатых (*“Не вір багатому ніколи, бо за його порадою лишишся голій”, “Закон у пана, як дишло, — куди направить, туди й вийшло”, “У панів багато куплених брехунів”, “Як будеш з правдою кохатися, то не будеш і паном зватися”*), их социально-классовую солидарность между собой (*“Ворон ворона не клює, пан у пана шкуру не здерє”, “Пан з паном погодиться, а Іван в спину дістане”, “Пани однакові, що в нас, що в Кракові”*) [10, с. 4, 8, 10, 15, 16, 63, 12].

И сегодня в массовом сознании отношение к богатству в значительной мере связано с ценностью честного труда. По данным указанного ранее социологического мониторинга, проведенного ИС НАНУ в 2004 году ($N = 1800$), каждый второй (52,4%) воспринимает разделение в нашем обществе на богатых и бедных как вполне справедливое явление, если богатство приобретено честным трудом. Для каждого третьего (29,1%) это несправедливый феномен вообще, хотя каждый десятый (10,9%) — и это приблизительно совпадает с долей “среднего” класса в социальной структуре современного украинского общества — оценивает сегодняшнее разделение на богатых и бедных как вполне справедливое. При этом большинство относится к новым богатым равнодушно (25,2%) или так же, как и к другим (29,8%). Только каждый десятый (11,6%) воспринимает богатых с ненавистью или презрением и совсем мало (3,8%) — с чувством зависти.

Дихотомичность сознания отчетливо проявляется и в отношении к деньгам. С одной стороны, люди осознают невозможность и тяжесть жизни без денег, их всепреодолевающую силу (“*У кого грошей нема, тому й світ — як торма*”, “*Бідна душа без гроша*”, “*Золотий обушок скрізь двері відчиняє*”), а, с другой — воспринимают их как источник зла и горя (“*Через золото сльози ллються*”, “*Гроші — то й роблять біду на світі*”) [10, с. 50, 17, 8, 30]. Народная мудрость всегда подчеркивала бережное отношение к деньгам (“*Із копійки рублі робляться*”, “*Держи копійчку про чорний день*”) и предостерегала от их одалживания (“*Краще без вечері лягати, та без боргів вставати*”, “*В борг береш — собі на шию ярмо кладеш*”, “*Святий звичай: не позичай. Позичаєш чуже, а віддавати своє прийдеться*”) [10, с. 51; 11, с. 43]. Характеризуя украинскую экономическую ментальность, нельзя не отметить и зафиксированную в народных пословицах зависть к чужим успехам и достаткам, нередко встречающуюся среди украинцев (“*Беруть завидки на чужі пожитки*”, “*Побий його, боже, в кого багацько грошей!*”) [11, с. 54; 10, с. 310]. Народное слово честно и метко обличало и другие не лучшие качества, имеющие, к сожалению, место среди украинцев: жадность (“*І сам не дам, і другому не дам!*”, “*Тонув — сокиру обіцяв, а витягли — топорщища шкода*”, “*На тобі, небоже, що мені не гоже!*”) [11, с. 55], равнодушие и беспринципность, перерастающие в антисоциальный индивидуализм и эгоизм (“*Чи дома, чи на полі — мені однаково*”, “*Діду! Село горить! — Дід за суму і далі посунув*”, “*Не моє просо, не мої горобиці, — не буду відганяти*”, “*Я — не я й рука не моя!*”, “*Моя хата скраю, — я нічого не знаю!*”) [10, с. 244, 245].

Оценка степени индивидуализма, соотношения индивидуализма и коллективизма в массовом сознании вообще является одним из центральных моментов характеристики национальной экономической ментальности. Какой из этих типов мировосприятия и поведения людей преобладает, зависит как от социально-экономических условий, так и от психологического, ментального склада народа. Диалектика индивидуального и коллективного заложена в самой природе человека. Человек — это индивид, который, на мой взгляд, в полной мере может стать личностью, раскрыть и реализовать свое индивидуальное “я” только в коллективе. А сам коллектив — это далеко не просто сумма индивидов, а нечто большее, основанное на социальных началах коллективности, коллективизма. “Чистые” индивидуализм и коллективизм выступают как крайние формы проявления естественной взаимосвязи двух начал в природе человека — индивидуального и коллективного, для которых, как правило, характерно преобладание (доминирование) од-

ного из них за счет преуменьшения и подавления роли другого. Причем доминирование в ментальности того или иного полюса этой дихотомии без нарушения определенного баланса их, а значит, без деформации нормальной структуры личности вполне естественно и характеризует лишь национальную специфику определенной культуры. Чрезмерное же проявление любой из сторон в ущерб другой, разрушающее их гармоничное единство, естественно, приводит к аномалии. Гипертрофированный коллективизм так же отвратителен, как и крайний индивидуализм.

Как известно, в научном мире индивидуалистической культурой принято считать ту культуру, в которой индивидуальные цели отдельных людей более важны, чем групповые (коллективные), а связям между отдельными личностями не присущ обязательный императив совместных действий. Для коллективистской культуры, наоборот, характерно преобладание групповых (коллективных) интересов и целей над индивидуальными и заинтересованность, потребность людей в крепко связанных, сплоченных группах. Что касается русской культуры, то на ее приверженность коллективизму неоднократно указывали мыслители прошлых веков, противопоставляя ее генетически индивидуалистической культуре Западной Европы и США. Об этом же свидетельствуют и данные современных социологических исследований. Оценка же украинской культуры, вектора тяготения ментальности украинского этноса вызывает немало вопросов. Сегодняшние исследователи украинской ментальности, как правило, единогласно утверждают тезис об особом украинском индивидуализме, ссылаясь на ряд ученых XX века (при этом игнорируя различные точки зрения и среди них) или перекрестно повторяя друг друга. Я считаю, что для поиска серьезного ответа на вопрос о соотношении индивидуализма и коллективизма в украинском менталитете необходимо осмыслить целый ряд принципиальных моментов.

Во-первых, обращает на себя внимание разношерстность характеристик самого украинского индивидуализма у различных ученых прошлого века, на которые опираются в своих выводах современные исследователи. Это и *“обмежений, мальовничий”* индивидуализм у Ю. Липы и *“безмежний”, “непогамований”* — у И. Мирчука, *“вibuялий індивідуалізм одиниць”* у В. Пачовського, *“самоізолюючий”* — у Д. Чижевського, *“анархический”* — у В. Липинского, *“зоологический, партикулярный”* — у Е. Донченко и, наконец, индивидуализм как *“творча синтеза особистого й громадського, вироблена практикою життя”* в понимании И. Гончаренко. Такое многообразие оценок порождает закономерный вопрос: какой же он на самом деле, украинский индивидуализм?

Во-вторых, среди наших предшественников не было единства во взглядах на саму суть проблемы: что преобладает в украинском характере — индивидуалистическое или коллективистское начало. Н. Костомаров однозначно писал, о перевесе в южнорусском, то есть украинском характере личности, личной свободы над общинностью по сравнению с великорусской народностью (хотя при этом он не постеснялся обратить внимание на возможную ошибочность своих субъективных представлений-наблюдений о различии двух русских народностей) [16]. В. Антонович в этом вопросе пошел еще глубже: он, по сути, указал на различия между внешней формой организации и характером внутренней жизни малоросса. Признавая наличие ассоциаций и у украинцев, и у русских (и отмечая при этом как особенность малочисленность и равноправие членов украинской ассоциации), историк подчеркивал совершенно другой тип внутренней жизни малоросса, кото-

рый “выше всего ставит уважение и свободу своей личности. Во вред своему экономическому расчету он стремится постоянно уединиться, сузить кругом своей семьи; продолжительное пребывание под авторитетом даже семейной власти для него невыносимо...” [17, с. 148]. А Ю.Липа вообще полагал, что для украинца характерен не чистый индивидуализм, а только украинская ассоциативная группа, громада, артель¹, которую он рассматривал как единицу украинского типа бóльшей организации и органическую составляющую украинской государственности. В своей характеристике украинской социальной группы, содержание которой вырастает из агрокультурного круга самой истории украинства, Ю.Липа опирался на выводы гениального, по его оценке, исследователя различных форм украинских ассоциаций Ф.Щербины. Последний считал, что главной особенностью украинских артелей и общественных форм есть то, что все они являются установленными правилами организации социальной жизни и представляют собой продукт народного обычая и традиций, а не созданы законодательными регламентациями и указами сверху. Вслед за Ф.Щербиной, Ю.Липа именно в этом, глубоко украинском по своим корням содержании ассоциативных форм социальной жизни видел залог будущего развития ассоциативных отношений и труда в целом² [18, с. 177–179].

М.Грушевский также писал о больших способностях украинского народа к коллективной деятельности: “Народ, который умеет так хорошо настроить хор, бесспорно имеет большие способности к групповой деятельности, к коллективному труду” [19, с. 153]. А профессор украинского института *громадознавства* в Праге Н.Григориев, изучив многочисленные источники по проблеме украинского национального характера, утверждал, что нет никаких оснований считать украинцев “*мало громадськими*” индивидуалистами. Как свидетельствует история, украинский народ упорядочивал свои общественные отношения главным образом на коллективистских началах: “вече” славян, борьба Киевского и Галицкого мещанства и шляхты в XI–XII веках за общественное самоуправление против “единоначалия” князей, принесенного в Украину Русью; запорожский козацкий общественный быт; громады и товарищества (“братства”) в Украинской Республике XVII–XVIII веков; общественное самоуправление в законодательстве Украинской Народной Республики 1917 года. Но это, как писал ученый, не означает, что украинцы не ценят личности. Наоборот, они ставят ее превыше всего, как самоцель, а громаду рассматривают как способ для удовлетворения потребностей личности, защиты интересов большинства людей общими силами. Иными словами, для

---

¹ В этой связи нельзя не вспомнить Запорожскую Сечь — особую национальную ассоциацию и идеал украинцев почти до конца XIX века и артель “сечевого стиля”. В ней, согласно гуртовым порядкам, освященным народным обычаем, каждый старался работать очень честно и добросовестно на началах взаимного соперничества и чувства коллективизма. “Все стараются вставать по возможности как можно раньше, вместе начинать работу и вместе ее заканчивать”. В артели не было места ни лени, ни воровству, ни обману [18, с. 160].

² Примечательно, что Ю.Липа считал украинца неприспособленным к западному, индивидуалистически конкурентному способу жизни. По его мнению, украинцы привыкли к ассоциации, группе, зачастую семейного характера, и только в ней способны проявить максимум энергичного труда и производительности [19, с. 179].

украинцев, по мнению этого ученого, характерно не противопоставление, а гармония личного и общественного на благо каждому и всем [20, с. 55].

В-третьих, сама практика организации хозяйственной жизни украинцев, вековой опыт совместных трудовых усилий на земле порождали необходимость коллективной трудовой взаимопомощи, формировали у людей чувство коллективизма. Основанная на ответственности членов украинской общины-громады друг перед другом взаимопомощь считалась долгом каждого. “Она проявлялась в обрядах жизненного цикла, от рождения человека до его погребения, в защите его чести и собственности, во всех основных трудовых процессах сельскохозяйственного цикла” [14, с. 350]. Среди различных форм трудовой взаимопомощи особо распространены были толока и супряга. В основе толоки лежал принцип бесплатной коллективной работы в форме добровольной взаимопомощи во время неотложных хозяйственных работ (дел) (постройка жилищ, сенокос) “за спасибо”, за угощение у священника, пана, сельских богатеев. “Во время толоки крестьяне всегда стремились сделать работу не только быстро, но и качественно. Достигалось это, в частности, обязательным распределением ее среди толочан с учетом их трудовых навыков (умения) и физических возможностей. Такая организация труда придавала общим действиям слаженность, позволяла рационально использовать наличные трудовые силы. Толока была эффективной формой вовлечения в труд молодежи и передачи ей необходимого трудового опыта. Одновременно происходило воспитание у нее таких качеств, как доброта, сострадание и уважение к односельчанам” [14, с. 352].

К супряге, или оранке как форме организации общинных работ в первую очередь прибегали бедные крестьяне, не имевшие в необходимом количестве рабочего скота и орудий труда для проведения различных сельскохозяйственных работ, главным образом вспашки (оранки) земли, а также для вывоза навоза в поле, бревен из леса и т. п. Причем создание супряги опиралось на конкретный договор, в котором оговаривались и способ участия каждого (объединялось, как правило, 2–4 хозяйства), и очередность работ, и условия питания людей, корма скота, ремонта плуга и пр. Таким образом, несмотря на специфически национальное стремление украинцев к индивидуальной свободе, обособлению, самостоятельной жизни, поддержка экономической самостоятельности требовала коллективных усилий, и внешних (в рамках громады), и внутренних (внутрисемейная кооперация). Благополучие семьи достигалось ежедневным изнуряющим трудом всех ее членов. До конца 20-х годов XX века в Украине были широко распространены обычаи аренды земли и найма рабочей силы, практика массового ухода на заработки “зажом” и “замолотом”, что давало возможность хотя бы на какое-то время обеспечить свою семью хлебом [подр. см.: 14, с. 348–354].

И хотя украинское население еще век назад было практически поголовно сельским, объективный анализ индивидуалистических и коллективистских начал в характере нашего народа требует хотя бы краткой характеристики экономической жизни и культуры города. Анализ исторических источников показывает, что в украинских городах эпохи феодализма были выработаны формы общинно-кооперативного самоуправления, даже более развитые, чем в крестьянской общине. Для ремесленных цехов украинского феодального города, которые были объединениями, прежде всего, экономического толка, были характерны общая собственность на средства производства, “кодекс” ремесленной чести, высокие требования к качеству продук-

ции, механизм корпоративной материальной взаимопомощи [подр. см.: 14, с. 370–372]. В XIX веке, по мере проникновения в городскую производственную жизнь буржуазных отношений, в экономической культуре горожан начали происходить определенные изменения. XX век, принесший на украинскую землю новый общественный строй и утвердивший в качестве ведущей и основной общественную собственность на средства производства, объективно формировал социально-экономические условия для укрепления и развития коллективистских начал украинской ментальности¹.

Исходя из этих рассуждений об “украинском индивидуализме”, дихотомии “индивидуализм/коллективизм” в целом логично сделать вывод о том, что, видимо, целесообразно различать ментальную склонность к индивидуализму (или коллективизму) — так называемый психологический индивидуализм (коллективизм) и экономические, социально-экономические индивидуалистические (или коллективистские) отношения — экономический индивидуализм (коллективизм) как принцип организации хозяйственной жизни. Для целостной характеристики экономической культуры общества важен анализ и ментальных, и социально-экономических ее составляющих. Понятно, что наибольших результатов в экономическом развитии можно достичь только при гармонии обеих сторон. Кроме того, под украинским индивидуализмом нередко понимают особую ценность в мировосприятии украинцев личности, их стремление к индивидуальной свободе и независимости, расчет на собственные силы. Однако ценность личности вовсе не тождественна возвышению личных интересов над общественными, а стремление к индивидуальной свободе далеко не означает индивидуалистический тип мировоззрения. Сам же индивидуализм бывает разных видов и оттенков: социально приемлемый и антиобщественный, эгоистический, нравственно разрушающий и здоровый, личностно-созидательный, ограниченный и безграничный и т.п.

Следует отметить, что, по данным массовых социологических исследований, в нашем обществе на сегодняшний день преобладают ценности коллективизма. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты экспертного опроса², согласно которому идея коллективной взаимоподдержки (48,6%) имеет по-прежнему большее распространение, чем принцип индивидуального самообеспечения (40,1%), а также данные массового мониторингового опроса населения, проведенного ИС НАНУ в 2004 году ($N = 1800$). По дан-

1 Об этом свидетельствуют и появившиеся в советское время поговорки: *“В колективі працювати — у достатку проживати”*, *“Краще робити гуртом в колективі, як самому на малій ниві”*, *“Одноосібно жити — сльози лити”* [10, с. 348, 349, 350].

2 Экспертный опрос по проблемам экономической культуры населения Украины был проведен отделом экономической социологии ИС НАНУ в 2005 году. Было опрошено 623 эксперта. Респонденты отбирались по двум признакам: территориально-региональному (опрос проходил в 11 областях, представляющих Восточный и Западный регионы Украины и г. Киеве) и профессионально-должностному (сформировано шесть категорий экспертов с равным представительством групп: руководитель в государственном и частном секторах экономики, госслужащий центрального и регионального уровней, научный работник в области экономики (экономической социологии) или журналист, преподаватель высшего учебного заведения с научной степенью доктора или кандидата экономических, социологических или юридических наук). Научный руководитель исследования — Е.Суименко. Авторы программы: А.Арсеенко, Т.Ефременко, В.Пилипенко, В.Резник, Е.Суименко.

ным последнего опроса, 41,4% граждан Украины отдают предпочтение коллективистской взаимоподдержке, а 33,7% — индивидуальному самообеспечению. Эти цифры лишней раз говорят о том, что для получения объективной характеристики ментальных черт украинцев существует только один путь — проведение массовых социально-психологических, социологических исследований, без достоверных данных которых имеющиеся оценки украинской ментальности в значительной мере остаются субъективными и вероятностными¹.

Собирая по крупицам все, что относится к экономической ментальности украинского этноса, я хотела бы кратко обозначить еще некоторые грани украинского менталитета, безусловно, влияющие и на поведение людей в экономической сфере.

- *Отношение к власти.* Украинцам исторически были присущи ограниченные формальностями отношения между начальником и подчиненным — как правило, все регулировал договор [18, с. 158]. Стремление украинцев к индивидуальной свободе нередко порождало анархичность их поведения, что требовало твердой, а порой и жесткой власти по управлению ими².
- *Отношение к праву и закону.* С одной стороны, извечное стремление украинцев к справедливости порождает естественное стремление к законности, чтобы все было “по закону”. А с другой, украинцы в борьбе за свои интересы нередко стремятся всевозможными путями обойти установленные законы. Народная мудрость всегда исходила из правды жизни, видя отличие реального от должного (“*Не все так робитися, як у параграфі написано*”, “*В суді правди не шукають*”), верховенство денег над правом (“*Де гроші судять, там право в куті*”, “*Хто маже, той і їде*”) [10, с. 16, 17, 18].

¹ Без обоснованных социологических данных невозможно также преодолеть противоречие между нередко абсолютно противоположными точками зрения на те или иные проявления украинской ментальности. Чтобы не повторять уже изложенное ранее, в качестве примера привожу показательную в этом отношении выдержку из солидного современного энциклопедического издания: “В дореволюционный период как на уровне бытовых представлений, так и на уровне научных схем, был широко распространен стереотип во взглядах на украинского крестьянина, национальному характеру которого якобы были присущи леность, медлительность, безынициативность, склонность к пьянству, что в конечном итоге привело к выработке у него определенного комплекса пассивности, проявлявшегося не только в общественном, но и в производственном быту. Анализ же конкретных материалов исторических источников XV–XVIII веков, историко-правовой и этнографической литературы XIX–XX веков показывает, что такая характеристика украинского народа далека от действительности” [14, с. 348].

² Существует характерный рассказ о поведении русского крестьянина (что в полной мере, полагаю, относится и к поведению украинского селянина), который сам признавал, что власть должна принуждать своевольного человека к порядку строгими, вплоть до деспотичности, мерами. “В Петербурге весной таял лед на Неве и переходить через реку по льду стало опасно. Градоначальник распорядился поставить полицейских на берегу Невы и запрещать проход по льду. Какой-то крестьянин, несмотря на крики городского, пошел по льду, провалился и стал тонуть. Городовой спас его от гибели, а крестьянин вместо благодарности стал упрекать его: “Чего смотрите?” — Городовой говорит ему: “Я же тебе кричал”. — “Кричал! Надо было в морду дать!”” [15, с. 49].

- *Отношение к коррупции и взяточничеству.* Истоки взяточничества просматриваются уже в организации экономической жизни запорожских казаков. В Сечи было принято после удачной покупки товаров (а казаки, как известно, были и военными, и торговыми людьми одновременно) преподносить кошевому подарок, соответствующий по стоимости купленным товарам [21, с. 170–171]. Во второй половине XIX — в начале XX веков массовый характер на украинских землях приобрело злоупотребление властью. В селах формировались целые социальные кланы, в которые, как правило, входили родственники, кумовья, свояки или просто друзья, что порождало беззаконие и должностную преступность. В отношениях между селянами и местной “политической элитой”, согласно архивным данным, взятки как гарантии успеха дел и договоров стали обычным явлением [22, с. 29]. Поэтому рядовой украинец, не способный противостоять клановости и бюрократизму власти, ощущал себя абсолютно бесправным и беззащитным.
- *Отношение к предпринимательству и торговле.* Исторически прикованный к земле украинец был лишен торговой предприимчивости. Вообще, как писали исследователи прошлых веков, у малороссов не было большой охоты и способностей к торговле, кустарной и фабричной промышленности. Поэтому и торговля, и обрабатывающая промышленность в Малороссии находились преимущественно в руках великорусов и евреев [23, с. 20]¹. Отношение у простых украинцев к торгашам было смиренно-неприязненным (“*Крамар — як комар: де сяде, там і n’є*”, “*Сякий-такий торгаш, та все їсть калач, а хлібороб хліб робить — і хліба волю не їсть*”), а к самой торговле не только как к процессу купли-продажи для удовлетворения своих потребностей, но и как к возможности поторговаться (“*Чи купив, чи не купив, аби поторгувався*”) [10, с. 15, 283]. Вместе с тем, по оценке некоторых современных исследователей, хозяйства давних запорожских поселений — “*зимівників*”, которые возникли еще в первой половине XVI века и имели товарный характер, ориентированный на рынок, были первыми в Европе прообразами современных фермерских хозяйств [25, с. 11–12].
- *Отношение к знаниям, образованию.* Образование в сознании селян, как правило, представляло собой не источник знаний и культуры, а, прежде всего, способ “выбиться в люди”, разбогатеть, получить чиновничью должность. В народе так и говорили: “*Учися сину, аби не робити*” (понимая под трудом исключительно физический, а не интеллектуальный труд). За годы Советской власти делалось очень много по приобщению людей к знаниям, получению образования, в связи с чем появилось много народных пословиц и поговорок, пропагандировавших и подчеркивавших высокую ценность знаний, в том числе и экономических (“*Наука навчить, як хліб родить*”, “*Агромінімум вивчай — гарний матимеш врожай*”, “*Щоб добре жито жати, треба техніку вивчати*”) [10, с. 365, 369].

---

¹ “Вся торговля исключительно в руках евреев; без них ничего нельзя ни купить, ни продать. Они покрыли всю страну точно сетью тонкой паутины, захватив все кабаки, постоялые дворы, большую часть фабрик, заводов и все почти ремесла” [24, с. 12].

Интересный для размышлений материал представляют результаты современных социологических исследований. Хотя полученные данные характеризуют исключительно население современной Украины, они являются единственной эмпирической базой анализа и позволяют в определенной мере судить о ментальности украинского этноса в целом. Начнем их рассмотрение с наиболее общих ментальных характеристик граждан — с определения степени их реалистичности и прагматичности. По оценкам более чем половины экспертов (53,9%), среди жителей Украины преобладает склонность к реализму, хотя треть экспертов (34,3%) считает иначе — что среди украинцев¹ больше распространена склонность к идеализму. Аналогична и оценка прагматичности: 57,3% экспертов полагают, что сознанию рядового украинца в большей мере присущ рационализм, а 27,1% — наоборот, иррационализм². Реалистичность преобладает в мировосприятии украинцев согласно данным всеукраинского опроса общественного мнения, проведенного в 2006 году Институтом социологии НАН Украины совместно с Центром социальных и политических исследований “СОЦИС” (N = 1800).

Поскольку в жизни всегда находится место противоположностям различного рода, эта дихотомичность реальной действительности отражается в дихотомичности массового сознания, которое фиксирует, хотя и в разной степени, разнополюсные человеческие качества. Так, на вопрос “*Какие качества прежде всего проявляют люди из Вашего окружения в повседневной жизни?*” в последнем исследовании были получены следующие ответы:

Сочувствие, добросердечие, искренность	47,1%
Реалистичность, жизненный опыт	38,5%
Стремление к собственной выгоде	37,0%
Ответственность	31,7%
Справедливость, честность	29,0%
Хитрость, расчет	28,8%
Щедрость, бескорыстность	24,9%
Осведомленность	16,2%
Нечестность, непорядочность	15,3%
Безответственность	14,2%
Наивность, необразованность	11,8%
Неосведомленность	8,6%

Примечание: при ответе на этот вопрос респонденты могли подчеркнуть несколько подходящих вариантов.

Как видно, у жителей Украины, по мнению респондентов, искренность преобладает над хитростью, хотя последняя присуща немалому числу лю-

¹ Понятия “украинцы”, “жители Украины”, “граждане Украины” в данной статье (данном контексте) используются как взаимозаменяемые. Аналогично термины “украинский характер”, “народный характер” или “национальный характер” относятся к социокультурным и ментальным характеристикам всего населения украинского государства.

² Эти данные были получены в ходе указанного ранее экспертного опроса по проблемам экономической культуры населения Украины, проведенного отделом экономической социологии ИС НАНУ в 2005 году.

дей, а ответственность и осведомленность встречаются в два раза чаще, чем безответственность и неосведомленность. Из общей картины благоприятной личностной оценки современного украинца (в смысле доминирования позитивных человеческих качеств над негативными) явным диссонансом выделяется существенный перевес в характере людей стремления к собственной выгоде над щедростью и бескорыстием (37,0% и 24,9% соответственно). Стремление к личной выгоде как одну из доминирующих черт украинского характера фиксируют и другие социологические исследования, в частности европейское социальное исследование¹, на результатах которого стоит остановиться несколько подробнее.

В рамках этого исследования целый блок вопросов был направлен на выяснение степени присутствия в национальном характере тех или иных человеческих качеств. Данные по Украине представлены в *таблице 1*.

Таблица 1

Степень проявления различных человеческих характеристик (качеств) у типичного представителя современного украинского общества, баллы

№	Черты типичной личности	Модальный показатель по Украине*	Вариации моды по всем европейским странам, в скобках — по постсоциалистическим странам Восточной Европы**	Средний показатель по Украине*	Вариации средней по всем европейским странам, в скобках — по постсоциалистическим странам Восточной Европы**
1	Патерналистские установки	1	1–3 (1–2)	2,1	1,7–3,3 (2,0–2,5)
2	Традиционализм	2	1–4 (2–2)	2,5	1,8–3,4 (2,1–3,1)
3	Строгое соблюдение принятых правил	2	2–4 (2–3)	3,1	2,5–3,6 (2,5–3,5)
4	Ценность правильного поведения (избегание осуждения)	2	1–3 (2–2)	2,6	2,0–3,4 (2,3–2,9)
5	Ценность равенства и равных возможностей	2	1–3 (1–2)	2,5	1,7–2,5 (2,0–2,5)

¹ Реализация проекта “Европейское социальное исследование” (ESS) началась в 2002 году в 24 странах Европы (общеевропейская выборка насчитывает 45681 респондент). Руководитель проекта — профессор Лондонского университета Роджер Джоуэл. Размер национальных выборок колеблется от 579 до 3026 человек. В каждой из стран опросы базировались на случайных выборках мужчин и женщин, представлявших взрослое население старше 14 лет. Украина, присоединившаяся ко второй волне исследования в 2004 году, впервые принимала участие в подобном проекте ($N_{\text{УА}} = 2031$). Участники украинской части проекта: Е.Головаха — национальный представитель в Исполкоме ЕСИ (Европейского социального исследования); А.Горбачик — национальный координатор; Н.Панина — эксперт по методам и организации сравнительных социологических исследований. Проект ESS поддержан Президиумом НАН Украины и выполнен по гранту Международного фонда “Відродження” № 2500371 от 01.03.2005 года.

Окончание табл. 1

6	Стремление к безопасности	2	1–2 (1–2)	2,5	1,6–3,1 (1,7–2,5)
7	Чувство свободы и независимости в решениях	2	2–3 (1–2)	2,6	1,9–2,7 (2,0–2,6)
8	Забота о благополучии окружающих	2	2–3 (2–3)	2,7	1,9–2,8 (2,3–2,8)
9	Верность друзьям и близким	2	1–2 (1–2)	2,4	1,6–2,4 (1,8–2,4)
10	Забота об окружающей среде	2	1–3 (1–2)	2,3	1,7–2,6 (1,7–2,4)
11	Скромность	2	2–5 (2–2)	3,2	2,1–3,7 (2,3–3,2)
12	Умение слушать других	2	2–3 (2–2)	2,6	2,0–2,8 (2,3–2,8)
13	Стремление “быть уважаемым человеком”	3	2–5 (2–5)	3,1	2,3–3,9 (2,8–3,9)
14	Стремление к успеху и признанию	4	2–5 (2–4)	3,2	2,8–4,1 (2,8–3,5)
15	Демонстрация способностей	5	2–5 (2–5)	3,9	2,6–3,9 (2,6–3,9)
16	Стремление к разнообразию	5	2–5 (2–5)	3,6	2,6–3,6 (2,6–3,6)
17	Любовь к риску	5	4–6 (5–6)	4,4	3,7–4,4 (3,9–4,4)
18	Стремление к деньгам и богатству	5	3–5 (3–5)	3,8	3,6–4,6 (3,7–4,2)
19	Гедонистические установки на хорошее проведение времени	5	2–5 (2–5)	3,8	2,1–3,9 (2,6–3,9)
20	Гедонистические установки на веселье	5	2–5 (2–5)	3,9	2,2–3,9 (2,2–3,9)
21	Креативность	5	1–5 (2–5)	3,5	2,3–3,5 (2,4–3,5)

* Средние и модальные показатели рассчитаны, исходя из примененной в анкете шестибальной шкалы оценок степени схожести респондента с описанным типом личности, которому присущи конкретные черты: 1 – очень похож, 2 – похож, 3 – довольно похож, 4 – немного похож, 5 – не похож, 6 – совсем не похож. Таким образом, позиции 1–2 указывают на высокую степень присутствия определенного качества, позиции 3–4 – на небольшую степень, а позиции 5–6 – на отсутствие этого качества у респондента. В качестве примера индикатора приведем вопрос, позволяющий судить о степени проявления у человека патерналистских установок: “Для него важно, чтобы правительство гарантировало его безопасность от всех угроз. Он хочет, чтобы государство было сильным и могло защитить своих граждан – насколько каждый из этих людей похож на Вас?”.

** В группу постсоциалистических стран Восточной Европы включена объединенная Германия.

Поскольку целью исследования является поиск наиболее типичных характеристик современного украинца, меня в первую очередь интересовали

не средние показатели, а модальные — те, которые наиболее часто встречаются среди опрошенного населения и потому являются наиболее характерными для него. Представленные в таблице средние величины и интервалы их вариаций по разным группам стран дают возможность для проведения в дальнейшем дополнительного, вторичного анализа полученных данных. Если модальные величины говорят о том, какая степень проявления того или иного качества является наиболее распространенной среди жителей Украины, то “средние” отражают не только имеющуюся степень проявления этих качеств, но и их вариации у различных индивидов. Чем ближе “среднее” к моде, тем меньше разброс в проявлении конкретного качества, тем “плотней” его “модальная” степень проявления, а значит, тем оно типичнее.

Характерными для современного украинца являются первые 12 из перечисленных в таблице черт: патернализм, традиционализм и склонность к соблюдению принятых правил, стремление к равенству и безопасности, чувство свободы и независимости в решениях, альтруизм и верность близким, скромность, умение слушать других и забота об окружающей среде. Наиболее характерными для жителей Украины являются патерналистские установки. Такая же высокая степень их проявления зафиксирована еще у трех (из 24) европейских народов — венгров, греков и французов. Остальным они хоть и присущи, но в значительно меньшей мере.

В целом о перечисленных выше ценностных характеристиках людей можно говорить как об общеевропейских поведенческих ценностях, которые разделяются большинством опрошенных, в том числе в значительной степени присущи современным украинцам. В меньшей мере гражданам Украины свойственно стремление “быть уважаемым человеком” и совсем в малой степени — стремление к успеху и признанию (хотя чувство здоровой амбициозности всегда было действенным стимулом человеческих достижений). Демонстрация способностей как проявление нездоровой амбициозности чуждо рядовому украинцу. Не характерно для него и стремление к деньгам и богатству. Естественно, что в силу приверженности ценностям традиционализма и безопасности типичный представитель украинского общества не склонен к разнообразию и риску. Не характерны для него и весьма распространенные на Западе гедонистические установки на “хорошее и веселое времяпрепровождение”. Совершенно не свойственна современному украинцу креативность. Следует подчеркнуть, что отсутствие именно творческой жилки и стремления к разнообразию отличает, по данным исследования, украинский характер от других европейских народов, которым эти качества в большей или меньшей мере, но присущи. Избегание риска характерно для большинства опрошенных, независимо от страны проживания, за исключением жителей Австрии, Исландии и Нидерландов, среди которых любовь к риску, пусть в самой малой степени, но все же присутствует в национальном характере. Что касается стремления к богатству, то оно не характерно для большинства европейских народов (для 17, включая Украину, из 24 обследованных стран), за исключением граждан Австрии, Венгрии, Нидерландов, Португалии, Чехии, Греции и Словакии.

Анализ средних показателей степени проявления различных человеческих качеств свидетельствует об отсутствии принципиальных различий между поведенческими ценностями жителей Западной и Восточной Европы. Единственные отличия можно искать в степени проявления некоторых

общевропейских ценностей. Так, респонденты из восточноевропейских стран, по своим самооценкам, предстают несколько более скромными людьми, чем жители западноевропейских государств.

Таким образом, при анализе экономической культуры и поведения населения Украины следует учитывать следующие выявленные в ходе “Европейского социального исследования” ментальные конструкции типичного украинца: патерналистские установки, традиционализм, стремление к равенству, свободе и независимости, избегание опасности и риска, отсутствие стремления к богатству и нераспространенность творческого подхода к делу.

Помимо вопросов-индикаторов личностных характеристик респондентов анкета “Европейского социального исследования” содержала ряд вопросов, целью которых было выявить, что доминирует в сознании населения обследуемых стран — честность или склонность к обману, эгоизм или альтруизм, законопослушность или пренебрежение законами и т.д. Так, на вопрос “*Как Вы думаете, люди в основном стараются помочь другим или преследуют собственный интерес?*” большинство украинцев (57,2%) ответили, что люди в большей или меньшей степени преследуют собственный интерес. Тех, кто считает, что люди в основном стараются помогать другим, в два с лишним раза меньше (23,3%). Почти каждый пятый (19,4%) занял нейтральную позицию в оценке дихотомии “эгоизм—альтруизм”¹. Средний показатель этого индикатора, который можно рассматривать как индекс эгоизма-альтруизма, составил 3,8, что отражает заметный сдвиг в массовом сознании в сторону собственного интереса. Следует отметить, что это значение индекса эгоизма — одно из самых высоких среди европейских стран (его разброс составляет от 3,2 в Польше до 6,3 в Ирландии (сдвиг в сторону альтруизма)). Вместе с тем только пятая часть (20,1%) согласилась с утверждением о том, что общество было бы богаче, если бы каждый думал о собственных интересах. Больше половины (52,8%) с этим не согласны. Большинство (66,2% против 22,2% не определившихся и 8,4% не согласных с этим утверждением) считает, что граждане должны хотя бы часть своего свободного времени уделять для помощи другим. При этом, по данным всеукраинского мониторинга, проведенного ИС НАНУ в 2006 году ($N = 1800$), 57,7% граждан Украины полагают, что в глубине души большинство людей не любят утруждать себя ради того, чтобы помочь другим. Эти цифры свидетельствуют о неоднозначности индивидуалистических настроений среди населения сегодняшней Украины, о расхождении между должным и реальным, истинным и декларируемым, ценностными установками и фактическим поведением.

Принципиальной характеристикой ментальности является оценка порядочности и честности людей. По данным “Европейского социального исследования”, в массовом сознании граждан Украины фиксируется небольшой сдвиг в сторону привычки к обману. Индекс “нечестности” как средний пока-

¹ Респонденты отвечали на этот вопрос по 11-балльной шкале, где 0 соответствует варианту ответа “люди в основном преследуют собственный интерес”, а 10 — “люди в основном стараются помогать другим”.

затель по 11-балльной шкале составил 4,7¹. Следует отметить, что индекс “нечестности” ниже нейтрального показателя (5,0) зафиксирован только среди жителей 7 из 24 обследованных европейских стран. Украина по “честности” поведения людей находится в нижней пятёрке вместе с Польшей, Венгрией, Словакией и Грецией. 40,3% украинских граждан считают, что люди в большей или меньшей мере постараются обмануть; несколько меньше, 33,8% полагают, наоборот, что большинство людей будут стараться вести себя честно. Каждый четвертый (25,8%) затрудняется в однозначной оценке поведения наших сограждан этому параметру. Преобладание в поведении людей нечестных мотивов зафиксировано и мониторинговым исследованием, проведенным ИС НАНУ в 2006 году ($N = 1800$): 76,9% жителей Украины считают, что большинство людей способны солгать, чтобы продвигнуться по службе, 67,3% — что готовы пойти на нечестный поступок ради выгоды, а 64,1% думают, что почти каждый может солгать, чтобы избежать неприятностей. И хотя, по данным опроса общественного мнения, проведенного в 2006 году Институтом социологии НАНУ совместно с Центром “СОЦИС”, 29% респондентов отметили “что люди из их окружения в повседневной жизни проявляют прежде всего честность и справедливость, а 15,3% (что почти в два раза меньше численности тех, кто дает позитивную оценку честности окружающих) — наоборот, нечестность и непорядочность (см. выше), думается, что проблема нечестного поведения, к сожалению, в нашем обществе существует, поскольку 61,3% опрошенных согласились с суждением “Я не всегда говорю правду”. Об этом говорят и результаты ответов людей на следующие вопросы. На вопрос о том, каких качеств в нынешней общественной обстановке в Украине, прежде всего, не хватает нашим людям, больше всего респондентов (39,8%), более трети, указали на недостаток именно честности (см. табл. 2).

Но при этом только 3,1% граждан Украины (!) признали, что этого качества не хватает и лично им. Явное несоответствие полученных оценок лишь подчеркивает проблему “честности” и свидетельствует о субъективизме даваемых оценок. Во-первых, люди стараются “приукрасить” свое окружение. Во-вторых, они склонны зачастую к завышенной самооценке собственных положительных качеств. В-третьих, респондент воспринимает имеющийся у него уровень честности как достаточный.

Помимо честности гражданам современной Украины, по мнению опрошенных, как видно из таблицы, не хватает прежде всего решительности, настойчивости и организованности, активности и верности слову, а также уверенности и выдержки. Сравнение оценок и самооценок респондентов, как и по позиции “честность”, показывает определенное стремление людей показать себя в лучшем виде и если уж и говорить о собственных недостатках, то указывать на наиболее нейтральные и безобидные из них (например, нерешительность, неуверенность в себе и т.п.).

---

¹ Респонденты отвечали на вопрос “Как Вы думаете, большинство людей постараются использовать или обмануть Вас, если представится случай, или же они будут стараться вести себя честно и порядочно?” по 11-балльной шкале, где 0 соответствует варианту ответа “большинство людей постараются использовать или обмануть Вас”, а 10 — “большинство людей будут стараться вести себя честно и порядочно”.

Таблица 2

Сравнительная таблица человеческих качеств, которых в современной общественной ситуации в Украине не хватает нашим людям в целом и респонденту лично, по оценкам и самооценкам опрошенных, %

№	Качества, которых не хватает...	Нашим людям в целом	Лично респонденту
1	Честность	39,8	3,1
2	Решительность	33,0	27,8
3	Настойчивость	27,4	21,2
4	Организованность	26,4	9,3
5	Верность (слову, долгу)	23,4	1,6
6	Активность	22,4	18,4
7	Уверенность	20,6	28,9
8	Выдержка	19,6	21,4
9	Достоинство	15,2	2,4
10	Уравновешенность	15,2	11,6
11	Упорство	13,2	15,7
12	Толерантность	9,4	3,4
13	Сноровка	6,2	9,8

Отмеченная склонность (готовность) значительной части населения Украины к нечестным поступкам сочетается с задекларированной законопослушностью. 57,1% украинских граждан, согласно данным “Европейского социального исследования”, считают, что “нужно всегда придерживаться закона, даже если при этом упускаешь хорошие возможности” (10,7% с этим утверждением не согласны, 27,8% затруднились с ответом). Указанный уровень законопослушности подтверждается и результатами проверочного индикатора: 55,6% граждан Украины не согласны с утверждением “Иногда вполне приемлемо пренебрегать законом и делать то, что хочешь” (15,6% его разделяют, 22,7% не определились со своей позицией). Стремление к законопослушности проявляется и в отношении людей к необходимости платить налоги — большинство (63,9%) считает, что граждане не должны укрывать свои доходы от налогов, 20,5% по этому поводу колеблются, 9,1% допускают практику ухода от налогов.

Что касается взяточничества, то на фоне его распространенности во властных структурах в сознании широких масс населения Украины оно осуждается. Вымогательство взятки чиновниками осуждают 82,9% наших сограждан. Не видят в этом ничего предосудительного 12,3%. Только 14,2% жителей Украины один раз или несколько предлагали услуги или взятку чиновникам за выполнение их работы. Большинство (69,3%) этого никогда не делали (что выглядит весьма сомнительным и скорее подтверждает недостаток честности в поступках и высказываниях людей). У каждого десятого (10,0%) подобный опыт просто отсутствует.

Следует также отметить преобладание среди людей негативного восприятия “честности” и “социальной полезности” бизнеса. По данным этого же (европейского) исследования таких, кто считает, что “если хочешь “делать” деньги, невозможно всегда поступать честно”, среди украинских граждан в два раза больше тех, кто не разделяет этого мнения (47,6% и 24,0% соответственно). При этом большинство согласилось с тем, что в наше вре-

мя бизнес заинтересован только в прибыли и не заинтересован в улучшении качества или обслуживания покупателей (66,7%). Не согласных с такой оценкой значительно меньше (12,6%).

Подытоживая проведенный анализ экономической ментальности украинского этноса, можно констатировать следующее.

Ментальность — это крайне сложная, многоплановая, относительно латентная и вместе с тем объективная характеристика людей, определяющая их социокультурный, социально-психологический “генотип”.

Наиболее адекватным для познания ментальности является принцип дихотомии, отражающий глубокую дихотомичность самой ментальности, вбирающей и синтезирующей в себе весь спектр оттенков между противоположными ценностными установками, между должным и реальным (на фоне той или другой доминанты).

Менталитет украинского народа имеет вековые сельские корни, и эта “селянскость” во многом и сегодня определяет характерные черты мышления и мировосприятия жителей Украины.

Оценка содержательной сути и степени выраженности индивидуализма в украинском характере требует дополнительных социологических исследований. При этом, на мой взгляд, необходимо разграничить понятия психологического и экономического индивидуализма, индивидуализма и эгоизма.

Среди основных параметров экономической ментальности украинцев, запечатленных в народных пословицах и поговорках, зафиксированных в описании их образа жизни, можно выделить следующие: уважительное отношение к труду как к источнику материального благосостояния и ценности человеческой жизни; трудовое обоснование неприкосновенности и права собственности; скорее не меркантильное восприятие богатства; отчужденно-критическое отношение к богатым; реалистично-двойственное отношение к деньгам, порождающим и добро, и зло; отсутствие ярко выраженной предпринимательской жилки; опора на неформальные правила и нормы поведения; историческая и психологическая укорененность взяточничества и коррупции; ограниченно-инструментальное отношение к образованию.

Анализ имеющихся в распоряжении данных социологических исследований позволяет дополнить обобщенные характеристики экономической ментальности украинского этноса современными эмпирическими оценками. Согласно им среди жителей Украины преобладают патерналистские установки и традиционные ценности. На фоне сочетания индивидуалистических и альтруистических начал в национальном характере доминирует стремление к личной выгоде, свободе и независимости в решениях. Современным украинцам присущи скромность и стремление к равенству. Мотивация достижения выражена слабо. Для украинцев не характерно стремление к деньгам и богатству. Не распространены среди них и гедонистические установки. Граждане Украины декларируют законопослушность и осуждение взяточничества. Они негативно оценивают “честность” и “социальную полезность” бизнеса. Хотя сами при этом проявляют явную склонность к оппортунистическому поведению, недостаточную организованность и активность. Украинцы избегают риска и отличаются низким уровнем креативности.

В целом развернутая количественная характеристика параметров экономической ментальности, определение приоритетов в рамках дихотомий общественного сознания (“индивидуализм — коллективизм”, “трудолюбие — лень” и т.д.), исследование произошедших и происходящих изменений в

украинском менталитете невозможны без анализа данных специальных социологических исследований.

В теоретическом плане значительный интерес может представлять в дальнейшем анализ изменений, происходящих в относительно консервативных ментальных структурах под воздействием современных культурных новаций. Не менее актуальным видится и исследование возможных направлений развития взаимодействия национальной и классовой разновидностей экономической культуры, анализ взаимосвязи менталитета того или иного этноса и общечеловеческой культуры, переплетения специфически национальных и всеобщих культурных архетипов.

Литература

1. *Богиня Д.П., Семикіна М.В.* Ментальний чинник у сфері праці. Проблеми теорії та практики. — К., 2003.
2. *Попов В.* Етно-конфесійний розподіл праці та український господарчий менталітет // Схід. — № 4 (21). — С. 17–21.
3. *Присяжнюк Ю.П.* Ментальність українського селянства в умовах капіталістичної трансформації суспільства (друга половина XIX — початок XX століття) // Український історичний журнал. — 1999. — № 3. — С. 23–33.
4. *Коржов Г.* Социокультурная легитимность предпринимательства в украинском обществе первого десятилетия трансформаций // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2005. — № 3. — С. 165–177.
5. Словарь западной философии. — М., 1991.
6. *Крымский С.Б.* Культурные архетипы, или Знание до познания // Природа. — 1991. — № 11. — С. 70–75.
7. *Сорокин П.А.* Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М., 1990. — С. 463–489.
8. Феномен нації: основи життєдіяльності / За ред. Б.В.Попова. — К., 1998.
9. *Данилов В.В.* Из народной жизни в Малороссии. — С.І., 1909.
10. Українські народні прислів'я та приказки. — К., 1955.
11. Народ скаже — як зав'яже: Українські народні прислів'я, приказки, загадки, скоромовки. — К., 1985.
12. Скарбниця народної мудрості. — Харків, 2004.
13. *Горинь Г.* Приватна та громадська власність бойків другої половини XIX — початку XX ст. // Народознавчі зошити. — 1999. — № 3. — С. 366–371.
14. Украинцы. — М., 2000.
15. *Лосский Н.О.* “Характер русского народа”. Диалог времен и народов. Фрагмент из книги // Старченко Н.Н. Мир, интуиция и человек в философии Н.О.Лосского. — М., 1991. — С. 35–60.
16. *Костомаров Н.И.* Две русские народности. — К.; Харьков, 1991.
17. *Антонович В.Б.* Погляди українофілів // Антонович В.Б. Моя сповідь. — К., 1995.
18. *Липа Ю.* Призначення України. — Львів, 1992.
19. *Грушевський М.* Хто такі українці і чого вони хочуть. — К., 1991.
20. *Григорієв Н.Я.* Українська національна вдача. — Вінніпег, 1941.
21. *Шерер Ж.-Б.* Літопис Малоросії, або Історія козаків-запорозжів та козаків України, або Малоросії. — К., 1994.
22. *Данилов В.В.* Из народной жизни в Малороссии. — С.І., 1909.
23. *Руднев Я.И.* Наши народы. Малороссы. — СПб., 1907.
24. Русины. Чтение для народа / Сост. О.О.Пуцькович. — СПб., 1898.
25. *Апанович О.* За плугом Господь іде. (Агрокультура українського селянства й козацтва в контексті ідей С.Подолінського та В.Вернадського). — С.І., 1999.